

Палец в меде / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Палец в меде / рассказ ПАЛЕЦ В МЕДЕ

Конечно, бесконечные домашние заботы не могут не утомлять Айджан-эдже, она уже давно не молода. Но, честно говоря, одно дело – домашние хлопоты, и совсем другое – накормить трех вечно голодных овец, которые с утра до ночи своим противным блеянием оглашают окрестности. Большую часть дня Айджан-эдже проводит в поисках травы. Она уже несколько раз пыталась переложить эту работу на своих подросших внуков, но те, хоть и обещали помочь, целый день носятся неизвестно где и домой их раньше ночи не докличишься. Однажды Айджан-эдже на них понадеялась. И что же. Конечно, скотина осталась голодной. После этого случая она ни на кого не надеется. С утра взяв пустой мешок и серп отправляется на поиски травы. Хотя, кажется, что ее искать: прямо рядом с домом колхозный люцерник. Целая кормовая база под носом, а приходится плестись невесть куда ради мешка травы. Вот бы выпустить овец в люцерник! Они бы разом блеять перестали, набили бы наконец себе брюхо!

Каждый день Айджан-эдже борется с искушением накосить люцерны рядом с домом. И надо сказать, что не всегда ей удавалось это искушение побороть. Однако все три попытки кончались неудачей. Всякий раз, словно из-под земли вырастал Гундогды и принимался отчитывать ее:

– Не стыдно вам, Айджан-эдже, в таком возрасте заниматься воровством?

– Чего мне стыдится? От двух охапок травы колхозная скотина не околет. Будь спокоен!

– Сдохнуть – она конечно не сдохнет, но косить колхозную люцерну не позволю.

– Гундогды-джан, но хоть накошенную траву можно взять?

– Нельзя!

– Я косила, трудилась. Клок травы тебе жаль, а моей спины не

жалеешь. Негоже так, сынок.

– Не трогайте, пусть лежит.

Тут, привлеченный их голосами, появился бригадир, Шадыман-ялдыр.

– Айджан-эдже, немедленно выходите из люцерника! Кто вам позволил? Хотите, чтоб я милицию позвал?

– Только этого не хватало: на старости лет в милиции оказаться...

Но Шадыман-ялдыр, забыв об Айджан-эдже, уже набросился на Гундогды:

– Почему позволяешь кому попало косить колхозную люцерну?

– Я что-ли позволяю?

– Если ты не позволяешь, так почему же Айджан-эдже косит?

– Это ты у нее самой спроси?

– Мне не зачем у нее спрашивать. Ты сторож. Ты получаешь зарплату. Значит с тебя и спрашивать буду. Всю потраву удержу из твоей зарплаты и еще сообщу куда следует. Я уже устал с тобой препираться!

– Хватит пугать, хватит! Что ты мне еще сделать можешь. Два месяца я неучтенные поля поливал – ты ни копейки не заплатил. Когда тутовники распределяли, мне, конечно, самый захудалый достался. Что еще придумаешь? Ты меня знаешь, я терплю-терплю, но если выведешь меня из себя – добра не жди!

– Нашел кому угрожать!

Шадыман и Гундогды так разошлись, что совсем забыли из-за чего разгорелся спор. И об Айджан-эдже забыли. Так что ж ей ждать, когда вспомнят?! Торопливо записав в мешок скошенную люцерну, Айджан-эдже припустила к дому.

А Шадыман-ялдыр и Гундогды еще полдня поливали друга друга грязью. Айджан-эдже знает их с детства. Они и в молодости вечно не ладили. Да и когда богатый с бедным ладили? Никогда. И не будут ладить. Вот чего Гундогды никак понять не может. Поверил, бедняга, что теперь все равны. А когда такое было. Недаром же сказано, что когда богатый говорит, даже бог молчит. Богатые правду и купят, и продадут – вертят ею, как заблагорассудится. А бедняга Гундогды только шишки набивает. Стоит ему человека в шляпе увидеть, как сразу жаловаться

начинает: «Шадыман-ялдыр – вор. Шадыман – то, Шадыман – это!» Ну и что.

Да ничего. Начальство только снисходительной улыбочкой отделаётся, дескать, всем известно, кто такой Гундогды. Склочник, жалобщик. В наше время только конченные дураки правду-истину ищут. Вот за это Айджан-эдже больше всего на Гундогды и злится. Ну, спрашивается, чего он добился своей правдой, Ничего! А имел бы голову на плечах, так вместо того, чтобы с бригадиром воевать, таскал бы себе домой люцерну и скотину откармливал. Продавай потом мясо и живи себе припеваючи – никакая зарплата не нужна. Эх, не понимает Гундогды, где его выгода. Слушался бы Айджан-эдже – давно бы уже был академиком жизненных наук.

В день, о котором пойдет речь, Айджан-эдже утром как обычно вышла из дома с пустым мешком и серпом, чтобы накосить травы своим вечно голодным овцам. Гундогды прохаживался по люцерновому полю. Недобро поглядывая на него, Айджан-эдже отправилась к хлопковому полю. Рыская среди рядков в поисках травы, она на чем свет стоит кляла глупого Гундогды.

– Сидел бы дома в такую жару, так нет...Можно подумать, что он мед сторожит...

Домой Айджан-эдже возвращалась, когда солнце уже стало клониться к закату. Добыча ее была небогатой – всего-то полмешка травы. Но чем ближе подходила она к дому тем сильнее кружил ей голову духманный аромат люцерны, а от яркой зелени прямо-таки рябило в глазах. И Айджан-эдже точно молнией ударило: Гундогды-то нигде не видно. Забыв обо всем на свете она ринулась в атаку на колхозный люцерник. Ее серп так и звенел. Надо же, какая удача! Айджан-эдже поспешно запихала в свой мешок свежескошенной травы и с еще большим рвением принялась за работу.

– А вот это, Айджан-эдже, никуда не годится! – прогремел над ее головой голос Гундогды.

От неожиданности Айджан-эдже обмерла. Гундогды, будь он проклят, точно из-под земли вырос. И по его лицу было видно, что сторож взбешен не на шутку.

– Молод еще учить меня, что годится, что не годится, – решив, что лучшая оборона – нападение, огрызнулась Айджан-эдже. – Разве можно так подкрадываться? Напугал меня до полусмерти.

– Стыдно в ваши годы воровством заниматься!

– Я ж не серебро себе на украшения ворую. Мне трава нужна, тра-ва!.. Всю округу обошла – нигде травы нет. А скотина моя криком исходит от голода. Пойди, взгляни на этих бедных овечек, – слова мне больше не скажешь.

– Высыпьте траву из мешка!

– Только притронуся к моему мешку! – Айджан-эдже так вцепилась в свою торбу, что и десять таких молодцев, как Гундогды не смогли бы отнять у старухи ее сокровище. – Вы почему посеяли люцерну рядом с моим домом? Нарочно, чтобы в искушение меня ввести. Посадили бы здесь хлопчатник, а там, где хлопчатник растет, – люцерну.

Тут она заметила приближающегося Шадымана-ялдыра – будто ему кто по телефону сообщил! Схватив мешок, она что было духу, кинулась бежать к своему дому.

– Стойте, Айджан-эдже! Я вам говорю, стойте! – кричал ей вдогонку Шадыман-ялдыр.

Айджан-эдже даже не оглянулась.

Тогда бригадир накинулся на Гундогды.

– Ты что стоишь, рот разинув? Немедленно задержи расхитительницу колхозного добра! А может, ты ее пособник?

– Не одному же тебе колхозным добром пользоваться! Пусть и люди немного попользуются. Или ты решил, что Шадыману все можно, а другим нет.

Шадыман и Гундогды затеяли свой обычный бесконечный спор, и конечно же забыли про старуху.

А она тем временем потчевала свою скотину, любовалась, как изголодавшиеся овцы хрумкают сочной травой и приговаривала:

– Да не торопитесь вы так. Вам принесла, вам. Никуда эта трава не денется. – Вслух говорила одно, а в душе все-таки боялась, что сейчас к ней заявятся Шадыман и Гундогды и заберут траву. «Ну что за жизнь такая. Нет же, чтобы съездить куда-нибудь или поболеть пару денечков, – да у этих подлецов, видно, только и дел, чтоб меня караулить. Все, – решила Айджан-эдже, – хватит

на старости лет оскорбления выслушивать. Надо сыну сказать, чтоб избавил меня от этих встреч с Шадыманом. Пусть прикажет своим балбесам, чтоб хоть заботу об овцах на себя взяли.»

И стоило только подумать о внуках, как они – тут как тут. Примчались, точно вихрь, и в один голос выдохнули:

– Бабушка, мы голодные!

Айджан-эдже намеревалась сказать внукам, что ничего на этом свете даром не достается, что нечего шлаться без дела, что надо побольше бывать дома, помогать старшим, заботиться о скотине... Но внезапно ей расхотелось читать мораль. Ведь когда одно и тоже твердят раз, другой и третий, то это любому надоест. Только сейчас Айджан-эдже осознала, что внуки настолько привыкли к ее поучениям, что теперь хоть и слушают, а не слышат. От частого употребления слова ее как бы истерлись и потеряли силу своего воздействия. Поэтому она молча пошла ставить чай, жарить яичницу. Лишь теперь она почувствовала, что и сама здорово проголодалась. Между тем внуки, не дождавшись когда будет готов ужин, схватили по ломтю хлеба и помчались на улицу догуливать.

Айджан-эдже, наслаждаясь тишиной и покоем, поела, попила чай, и короткий отдых вернул ей силы. Усталость, точно рукой сняло, она чувствовала себя так, будто скинула с плеча тяжелый мешок с травой. Мешок с травой... Мысль о нем напомнила Айджан-эдже, что дел у нее невпроворот. Она отправилась поить скотину, а сама думала о том, что овцы из-за проклятого Гундогды сегодня не поели сколько надо. И Айджан-эдже приняла решение: сегодня ночью, когда все уснут, она назло Гундогды и Шадыману пойдет за люцерной. Эта мысль так прочно вклинилась ей в голову, что весь вечер она мысленно представляла, где и как будет косить люцерну. И в ее воображении посреди двора уже вырос огромный стог сена.

Страх боролся с нетерпением, но, чем темней и тише становилось за стенами дома, тем смелей делалась Айджан-эдже. Наконец она решила, что час настал. Взяв серп и заранее приготовленный канар она отправилась в люцерник.

Была ясная лунная ночь. Весь мир спал – стояла необычайная звенящая тишина. Решив отвести от себя подозрение, Айджан-эдже

не стала косить траву у дороги, а пошла в глубь поля, подальше от своего дома. Она была полна решимости проработать до зари, чтобы, во-первых, хоть несколько дней отдохнуть от самой ненавистной заботы, а во-вторых, насладиться победой над сверхбдительным Гундогды.

Но только она взмахнула серпом, как за спиной раздался знакомый голос:

– Это вы что ли, Айджан-эдже? Что вы здесь делаете?

– Я... я... – От неожиданности Айджан-эдже не сразу нашлась, что ответить. – Да вот, сынок, проверяю. – И окончательно разозлившись на Гундогды, который не дал осуществиться ее мечте, зло прибавила: – Проверяю, понятно тебе!

– Это что ж вы проверяете? Люцерну?

Айджан-эдже, пропустив его вопрос мимо ушей, заговорила с издевкой в голосе:

– Чего это тебе не спится? Ты здесь, жена одна дома...

– А вы почему не спите? – оборвал ее Гундогды.

– Доживешь до моих лет, поймешь. Не спится – и все, вот я и решила проверить, как ты колхозное богатство сторожишь.

– Ну и как? Довольны моей работой?

– Слушай, Гундогды, твои глаза хоть кого-нибудь кроме меня замечают?

– Айджан-эдже, я против вас ничего не имею. Скотину всем кормить надо. Шадыман нарочно меня сторожем поставил, надеется подловить меня и сделать виноватым.

– Гундогды-джан, ты парень хороший. Ступай, погуляй часок-другой на другом конце поля. Сделай вид, что меня не видишь – ночь ведь. Эти три проклятые овцы скоро своим блеянием с ума меня сведут. Покоя мне от них нет ни днем, ни ночью.

– Нельзя, Айджан-эдже, никак нельзя. Ступайте домой!

Айджан-эдже почувствовала, что испытывать терпение Гундогды не стоит, и в душе ее разыгралась такая ненависть к нему, что она была готова хоть сейчас накинуться на него с кулаками. Это ж надо! Она сна лишилась, а что толку... «Ах ты негодяй, ах ты бездельник! Бог тебя накажет...» .

Айджан-эдже, плетясь к дому, обрушила на Гундогды столько проклятий, что исполнись из них хоть десятая часть, никто бы

не позавидовал несчастному караульщику.

Почуяв приближение хозяйки, в агиле заблеяли овцы. Айджан-эдже со злостью швырнула на землю пустой канар и серп.

– Замолчите вы наконец? Заткнитесь! Надоели мне, что горькая редька. Чтоб вы сдохли от голода! Может, хоть тогда Гундогды порадуются!

Утром, когда она жаловалась сыну, Ашир вместо того, чтобы обрушиться на Гундогды, сказал:

– Да зачем вам, мама, куда-то ходить? У нас и во дворе травы хватит, чтобы трех овец прокормить.

– Сегодня хватит, завтра хватит, а что станешь делать, когда она кончится? – И Айджан-эдже обижено поджала губы.

И все же, видно, некоторые ее проклятия настигли того, кому они были адресованы. Айджан-эдже аж вздрогнула от неожиданности, когда со стороны люцерника до нее долетел крик:

– Нет, нет, не заставишь больше меня все терпеть! Всю жизнь что ли собираешься мной командовать?! Я за себя постоять смогу!

Это был голос Гундогды. Айджан-эдже сразу его признала. И стала молить Аллаха, чтобы Шадыман наконец прогнал Гундогды из сторожей.

Айджан-эдже косила клевер, что рос на ее мелеке. Чтобы лучше слышать, о чем спорят Гундогды и Шадыман, она даже переместилась поближе к дому. Спустя некоторое время мимо ворот ее дома быстрым шагом прошел Гундогды. «Жидок парень против Шадымана, – огорчилась Айджан-эдже. – Вместо того, чтобы до конца с бригадиром разобраться, домой сбежал. Нет, против Шадымана ему не выстоять. У того и власть и деньги, а Гундогды что...» – Айджан-эдже сокрушенно покачала головой, собрала клевер и понесла его овцам. Но даже вид мирно лакомящихся клевером овец на этот раз не умиротворил, как это бывало обычно, ее душу. Не давал ей покоя Гундогды. «Нет, что-то тут не так, – думала Айджан-эдже. – Не такой он человек, чтоб за Шадыман-ялдыром последнее слово оставить. С чего бы это он домой побежал?» И вдруг ее точно осенило – за ножом, а того хуже – за ружьем. И только она так подумала, как со стороны люцерника до ее слуха донеслись ружейные выстрелы:

пах! пах!

Айджан-эдже обмерла от страха. Потом, забыв обо всем, помчалась туда, откуда слышалась пальба. Когда она достигла люцерника, ей открылось небывалое зрелище: Гундогды, вскинув ружье, мчался за Шадыманом, а грозный толстяк бригадир убегал от него, точно заяц от борзой.

Пах!... Пах!...

У Айджан-эдже перехватило дыхание. Представив лежащего в луже крови Шадымана, Айджан-эдже торопливо трижды поплевала себе за ворот, чтоб отвести от себя дурное видение. Потом она побежала домой. Закрыла окна, заложила дверь, и до темноты просидела взаперти, прислушиваясь к каждому шороху. Было тоскливо. Наконец снаружи донесся голос Ашира:

— Мама! Мама!

Айджан-эдже осторожно открыла дверь.

— Мама, что такое?

— А ты ничего не слышал?

— Что? — Хотя Ашир сразу же догадался, чем интересуется мать, с ответом он не спешил. — Ты о Гундогды что ли? Да, нехорошо он поступил.

— Вах-вах, бедный Шадыман, сколько детей осиротил...

— Ты что, мать, причитаешь? Жив Шадыман.

— Жив? Так ведь Гундогды столько раз стрелял. Неужто промазал.

— Вот так.

— Слава богу!

— Это за что же ты бога благодаришь? — осведомился Ашир. Он даже не скрывал своего разочарования тем, что Гундогды промахнулся.

Айджан-эдже разозлилась на сына — хоть Шадыман-ялдыр никому ничего доброго не сделал, все ж нехорошо человеку смерти желать. Перед ее глазами снова ожила картина, которую она видела днем, когда Гундогды с ружьем в руках гнался за бригадиром. Айджан-эдже прикусила губу. В глубине души она считала себя отчасти причастной к случившемуся.

— Что ж теперь будет, сынок?

— С Гундогды? Его милиция забрала. А Шадымана в соседнее село повезли, к табибу.

- Ты же сказал, что Гундогды промахнулся.
- Ну да. Только у Шадымана от страха сердце стиснуло.
- Стиснет от такого, – Айджан-эдже закончила расспросы и принялась готовить ужин. Но внезапно ею завладела новая мысль.
- Сынок, а когда Шадымана к табибу отвезли?
- Недавно. А что?
- А Гундогды, как ты думаешь, милиция до ночи отпустит?
- Скажешь тоже, до ночи. Он теперь до суда там просидит, да и после суда вряд ли домой вернется. А что такое мама?
- Что-то наша невестка не идет, – невпопад ответила Айджан-эдже.
- Придет, не спеши.
- Эх ты, какой спокойный! Придет невестка, скажешь, чтоб ужин сама готовила. У меня дело есть. Я пошла.
- Куда ты, мама.

Но Айджан-эдже было недосуг толковать с сыном. Она спешила в люцерник. «Хоть раз в жизни спокойно нарежу травы», – думала она, предвкушая предстоящий праздник. Косить-то она накосила, но праздника в душе почему-то не было. Прежний страх так и не отпускал ее. Так и чудилось, что сейчас откуда-то вынырнет проклятый Гундогды. Любой шорох заставлял ее вздрагивать. «Вот негодяй, – орудуя серпом, беззлобно думала она о Гундогды, – совсем меня запугал!»

Но никто не мешал ей, и постепенно она успокоилась. Работа шла как нельзя лучше. Она косила и косила, не чувствуя усталости – жадность не давала ей утомиться. Когда же она стала собирать траву в канар, то оказалось, что туда, сколько ни трамбуешь, даже половину накошенного не вместить. А что еще хуже: набив полный мешок, Айджан-эдже обнаружила, что не может сдвинуть его с места – пришлось отсыпать половину и делать несколько ходок, чтобы перенести всю траву домой.

– Хоть разок увижу, как вы насытитесь. Жрите, только не лопните! – приговаривала Айджан-эдже, щедро потчует своих овец. Но дожидаться конца трапезы не стала, а вновь отправилась в поле.

Всю ночь она не спала. К утру амбар был доверху забит люцерной, а среди двора вырос внушительный стог. Айджан-эдже

прикрыла его всяким тряпьем, – мало ли вокруг завистливых глаз – и довольная свои ратным подвигом легла в постель с первыми лучами солнца. Проспала она до обеда. А встав первым делом отправилась кормить баранов. Раскидывала по агилу охапки свежего сена и приговаривала:

– Ешьте, ешьте! Пусть ваши курдюки станут точно свадебные казаны!

После этого она отправилась взглянуть на то место, где ночью косила люцерну. Выкошенным оказался большущий участок – она даже вообразить не могла, что ей такое по силам.

Но что этот участок в сравнении с бескрайним колхозным люцерником. От одной мысли об этом у Айджан-эдже сразу же перестала ломить натруженная ночью спина, и она решила, что как только стемнеет, надо еще немного травы припасти. Чем ниже солнце клонилось к западу, тем сильнее делалось беспокойство Айджан-эдже

– Мама, не надо... – попросил Ашир.

– Я лучше знаю, что надо, а что не надо! – отрезала Айджан-эдже.

И как только стемнело, она спокойно, без прежнего внутреннего волнения, пошла к люцернику, точно на работу отправилась. Но подойдя поближе заметила, что кто-то прячется среди травы. «Это кто ж такой?... Неужели Шадыман-ялдыр? – лихорадочно соображала Айджан-эдже. – Притаился, ждет, когда начну косить. Нет, на Шадымана не похоже. Он такой трус, что, говорят, как стемнеет, даже во двор только вместе с женой выходит. Это, скорей всего, кто-то вроде меня.» – Айджан-эдже посмотрела по сторонам. Так и есть. Во-он вдалеке еще один силуэт виднеется. Похоже сегодня сюда все село сбежалось.

Страх прошел, и вместо него в груди у Айджан-эдже запылал огонь справедливого негодования. Что ж это такое делается?! Кто позволил косить люцерну чуть ли не у порога ее дома?

Без страха двинулась Айджан-эдже вперед, и, остано-вившись в нескольких метрах от беззаконника, крикнула:

– Эй, кто ты? Хватит прятаться. Выходи, кто бы ты ни был!

– Вий, Айджан-эдже, это вы? – раздался в ответ молодой женский голос.

– А ты кто?

– Я Энегыз, жена Шадымана.

– А что ты тут, Энегыз, делаешь, – строго спросила Айджан-эдже.

– Как что? Пришла мешок травы набрать. Из-за этого бессовестного Гундогды наша скотина чуть от голода не передохла.

У Айджан-эдже от удивления даже рот открылся: надо же, оказывается этот Гундогды так себя поставил, что его боялась не только она, бесправная старуха, но даже жена самого бригадира.

– Да, да, Айджан-эдже... Вместо того, чтобы самому нам люцерну носить, этот Гундогды прямо так Шадыману и сказал: поймаю кого из вашего дома – на весь свет опозорю. Честно говоря, такого дурня еще поискать надо, Айджан-эдже. Слава богу, теперь его, говорят, надолго в тюрьму упрячут.

– А что ж ты ночью сюда пришла.

– Днем глаз много.

– Тогда ступай косить отсюда подальше, – распорядилась Айджан-эдже, давая понять, что разговор окончен и ей пора приниматься за дело.

– А здесь что, нельзя? Какая вам разница?

– Большая. Ты бы еще у меня во дворе косить стала.

– Оттого что эта трава рядом с вашим домом растет, она вашей собственной не стала.

– Ступай, ступай, отсюда! Старших слушаться надо.

– Старики по ночам дома сидеть должны. – огрызнулась Энегыз. – И не считайте себя тут хозяйкой. Где бы эта люцерна не росла, она все равно общественная. И я не позволю ее вам косить.

– Да кто ты такая? Сама, значит, косишь, а мне не позволишь? Мало вы что ли колхозного наворовали?!

– Мало! Да, мало! Что еще скажешь?

– Убирайся отсюда! Хватит со старшей препираться.

– Со старшей! – хмыкнула Энегыз. – Верно говорят, что старые люди из ума выживают. – И показывая, что не желает больше разговаривать с Айджан-эдже, принялась снова резать траву.

– Чтоб духу твоего здесь не было! – Айджан-эдже, не в силах

больше терпеть это издевательство, двинулась на жену Шадымана-ялдыра. Они стали пихать друг друга. Энегыз, здоровая телка, так Айджан-эдже толкнула, что бедная старуха упала и ударилась головой о землю. Лежит Айджан-эдже, подняться не может, и представляет, что сейчас жена Шадымана-ялдыра всю люцерну скосит, – от этого ей так обидно, что даже боль от ушиба не чувствуется. А нахальная Энегыз, знай себе, косит – только серп звенит...

1989 г.

Осман ОДЕ. Некаýalar